

В.Л. Глазьев
УРБАНИСТИКА

2008

© европа

Вячеслав Глазычев
Урбанистика. Часть 1

«Европа»

2008

Глазычев В.

Урбанистика. Часть 1 / В. Глазычев — «Европа», 2008

Город, существующий тысячи лет, создавали и осмыслили, всегда осмыслили и всегда переделывали заново. Но особенную напряженность этот процесс приобрел в последние полтора века, когда города начали распухать на дрожжах индустриализации. В этом году впервые в истории человечества численность городского населения в мире уже сравнялась с численностью сельских жителей. В европейских странах, включая Россию, доля городского населения превышает три четверти и продолжает расти. Растет и исход населения из городов, где условия жизни становятся все труднее, в пригороды, где, однако, эти условия тоже стремительно осложняются. Автор книги предпринял попытку в сжатом виде изложить опыт удач и опыт провалов в различных подходах к стратегии развития городов, накопленный за полтора века. Книга, свободная от академической усложненности, адресована всем, кто хочет узнать, что происходило и происходит с городами, в которых мы живем, и чего можно ожидать от ближайшего будущего в организации городской жизни.

© Глазычев В., 2008

© Европа, 2008

Содержание

Предисловие	6
Предисловие автора	9
Вступительная глава	13
Урбанизация	14
Урбанистика	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Владимир Глазычев

Урбанистика. часть 1

Посвящается памяти В.Н. Семенова, Г.Д. Дубелира, П.А. Велихова, трудами которых были заложены основы российской урбанистики

Автор выражает глубокую признательность Денису Семькину и Евгению Якубовскому (компания «Новая Площадь»), по инициативе и при активном участии которых сложился и был разработан замысел этой книги; им же, а также Сергею Майорову и Федору Кудряцеву – за существенную помощь в сборе и подготовке исходных материалов.

Предисловие

Будучи любителем чтения, всегда задавался вопросом – зачем книге предисловие? Заранее рассказать о ее содержании, разговаривать с читателем, который ее не читал и не может тебе ни возразить, ни оспорить? Предостеречь его от крамолы, как это было в советские времена? Представить автора? Но Вячеслав Леонидович Глазычев, блестящий полемист, историк и ученый, открыватель забытых текстов, острый и точный критик, проникающий в суть явления, только что рожденного, не нуждается в панегириках. И поэтому я поступаю проще – посоветую читателю, как близкому и вечно занятому другу, прочитать эту книгу.

Есть два ключа, раскрывающих ее содержание – название и посвящение. Слово «урбанистика» еще необычно для слуха профессионала-архитектора, инженера, градостроителя. Но автор сознательно избегает привычного термина «градостроительство», оставляя его лишь для советского периода истории нашей страны. Всей структурой книги он утверждает сложность, комплексность одного из самых цивилизующих видов деятельности человечества – созидания городов. Утверждает, что осознание этого процесса и его регулирование принадлежит городскому сообществу и его доверенным лицам – урбанистам, корпусу профессионалов, занимающихся урбанизацией.

Замечательные люди, которым автор посвятил свой труд, – гражданские инженеры, основоположники отечественного градостроительства. Как известно, В.Н. Семенов назвал эту деятельность «благоустройством городов». Очевидны симпатии автора к прозе реальных дел, обращенных прежде всего к улучшению жизни горожан, а не к попыткам воплощения доктрин, рожденных умозрительно, прежде всего в логике модернизма, не видящего конкретного человека, не ведущего постоянного диалога с горожанами. Взлеты и падения архитекторов, ставших градостроителями, – это еще и история архитектуры и градостроительства по всему миру, которую читатель прочтет заново, уже в контексте сложнейших политических и социоэкономических явлений, которые являются и двигателем урбанизации, и источником ее регулирования. Не могу удержаться, чтобы не привести цитату из письма Томаса Адамса: «Вот в чем мистер Мамфорд и я, равно как мистер Мамфорд и Геддес, различаемся принципиально. Это в

том, стоим ли мы на месте, рассуждая об идеалах, или двигаемся вперед, достигая той степени осуществления наших планов, какая возможна в неизбежно несовершенном обществе, способном лишь на несовершенные формы решения его проблем». Симпатии автора безусловно принадлежат англо-американскому опыту, который мы знаем слабо, а автор – энциклопедически много и щедро им делится. Но здесь и Франция, и Китай, Латинская Америка, Индия – очень конкретно, профессионально, но вместе с тем занимательно, в виде как бы самостоятельных новелл.

В книге все время идет соотнесение мирового опыта градостроительства (да простит меня автор за этот термин!) с нашим, отечественным, вплоть до новейшего. Он ищет «после двадцати лет забвения» городского планирования примеры полезного и обещающего, прежде всего связанного с городским самоуправлением, в котором проявляется суть гражданского общества. Пока это крупницы, рассыпанные по всей стране, и тем ценнее их предьявление (скрупулезность этого поиска поразительно показана в прежней книге В.Л. Глазычева «Глубинная Россия»). Он справедливо сетует на то, что профессия «адвоката-архитектора», «коммунального архитектора», по-прежнему не слишком популярная в нашей среде, не выполняет важнейшей функции гуманного инструмента реализации градорегулирования. Конечно, нам нужны образцы, и автор предлагает нам в качестве примера нового урбанизма проектные материалы, опубликованные крупными инвестиционными компаниями вроде «Ренова-стройгрупп», в реконструкции Екатеринбурга, Перми и нескольких других городов и добавляет с умеренным оптимизмом: «есть шанс избежать московских ошибок».

Я разделяю озабоченность автора относительно упущенных возможностей стратегического территориального развития столичной агломерации, столичного региона – Москвы и Московской области. Упущенное отозвалось трагическими последствиями для транспорта, охраны исторической среды, многого другого. Однако опыт градостроительной деятельности в Москве за последние 15 лет по масштабам не сопоставим ни с одним городом России и требует более внимательного анализа. Для меня очевидно, что Москва именно в это время стала метрополией, и автор справедливо ставит ее в ряд современных городов-грандов. Но важно и то, что городское планирование здесь не прерывалось, в 1992 г. были созданы «Основные направления развития Москвы и Московской области», в 1999 г. был принят генплан города до 2025 г., сохранен корпус градостроителей, постоянно актуализируются генпланы округов и районов. Существует процедура диалога власти с общественностью. Москва и Московская

область строят самое большое в стране количество жилья, в том числе муниципального. Я смотрю в окно своей квартиры – обычный московский двор – он чист, благоустроен, дети играют в мяч на спортплощадке. Стало гораздо лучше, чище, светлее. И горожане это ценят.

Мне даже кажется, что неприятие автором московского опыта не следует прямо из логики книги. А завершается она концентратом градостроительного опыта – «словарем искусства градоформирования». Вниманию господ студентов! Более краткого, емкого и точного глоссария – перечня терминов, в том числе новых, современных – я не встречал.

Прочитав эту книгу, я безусловно стал умнее. Если не умнее, то, конечно, богаче знаниями. В области, которая сейчас востребована как никогда, так как мы потеряли время, особенно важное постольку, поскольку идет пространственное обустройство России. Города – ее скелет, и современное знание кодов развития городов, процедур регуляции стало острой государственной необходимостью. Не думаю, что нам надо начинать с нуля, у России огромный опыт градостроительства – но мы должны модернизировать и постоянно развивать, по словам автора, собственную школу городского планирования, иначе мы будем обречены на импорт решений, формируемых профессионалами, которым глубоко чужды и непонятны особенности российской истории и российской культуры. Очень конструктивное предостережение.

А.П. Кудрявцев,

Президент Московского архитектурного института,

Президент Российской Академии архитектуры и строительных наук

Предисловие автора

Каким будет город к середине нынешнего столетия?

На этот вопрос нужно давать ответ, потому что в отличие от фантазий основы реального города будущего закладываются сейчас. Но ответить на него невозможно.

Всего тридцать лет назад компьютеры были огромными машинами, которые занимали целый этаж немногих НИИ и привилегированных вузов. Там было прохладно, поскольку ЭВМ следовало охлаждать, и темновато. Возбужденные вдруг открывшимися возможностями разновозрастные люди сновали по лабиринтам из металлических шкафов с лентами перфорированной бумаги в руках. В этих пещерах возникали сообщества из людей с разным образованием, приобщенных к новой алхимии, и плодотворность их взаимодействия была невиданной. Затем ЭВМ скачком уменьшились в размерах в десятки раз, их теперь могли засунуть в подвал, выведя терминалы в обособленные лаборатории. Это было удобно, но прежде единые сообщества распались на множество малых групп, специализированных на конкретных задачах. Еще десяток лет, и компьютеры-шкафы превратились в ноутбуки, которые можно было включить в бытовую электросеть в любом месте, но внутри здания, или протянуть на батарею перелет в самолете. Затем пришествие Интернета, породившего виртуальные сообщества корреспондентов и гигантское множество клубов по интересам. Затем появились интернет-кафе, затем возможность подключиться к Интернету во все большем числе мест.

Исчезают чертежные доски, все более утрачивается смысл усаживать студентов за столы аудитории, если только лектор не в состоянии сообщить им нечто такое, чего они нигде не смогут отыскать в «консервированном» виде. Немедленно обнаруживается, что таких преподавателей мало, и в университетах тлеет студенческий протест. Выходя навстречу проблеме, наиболее продвинутые университеты, сохраняя традиционные аудитории, реконструируют свои кампусы так, чтобы создать условия для возникновения «летучих» учебных групп, которые могут собираться в кафетерии, в саду, на трибуне стадиона. Закрытые для посторонних «блоги» позволяют обмениваться тезисами, чертежами, возражениями, ссылками на поисковые системы, что радикально усилило возможности групповой работы. Apple Mac выпускает портативные телекамеры, которые одним движением крепятся к ноутбуку, что открыло возможность вести дискуссию в режиме реального времени, когда ее участники разделены множеством часовых поясов. В новых городках вроде Селебрейшн, что в графстве Орландо, штат Флорида, уже десять лет назад четверть занятых делом работали на дому.

Конечно, можно сказать, что в России подобные островки существуют пока еще лишь в немногих корпорациях, и это правда. Но кто мог вообразить десяток лет назад, что первокурсники в городке Белая Холуница, в дальнем северо-восточном углу Кировской области, высыпая на крыльцо школы, первым делом будут звонить родителям по дешевенькому мобильному телефону?

За отсутствием массовой автомобилизации в советское время мы пропустили феномен кинотеатра драйв-ин, где фильмы смотрели, сидя в собственных машинах. Теперь, с развитием видео, о кино драйв-ин забыли. Мы еще только вступили в пору, когда в любом городке можно встретить новое с иголки здание Банка России, тогда как на Западе, особенно в США, в прежних зданиях банковских сетей все чаще размещаются кафетерии «Старбак», поскольку все пользуются банкоматами, которые встречаешь в каждом магазине и на каждом углу. Вчерашние фабричные здания преобразуются в жилые комплексы, художественные галереи и мастерские, и даже знаменитый комплекс туринского ФИАТа, на крыше которого была устроена испытательная трасса для автомобилей, превращается в торгово-развлекательный комплекс.

Семикилограммовый фолиант издательства Phaidon, посвященный новейшей архитектуре мира, только что предъявил всем около 2000 построек, пространственные и образные системы которых не поддаются оценке с помощью критериев, вчера казавшихся вечными...

Если под давлением обстоятельств срок не будет несколько отодвинут, то с 1 января 2008 г., в соответствии с законом о введении в действие нового Градостроительного Кодекса РФ, при отсутствии утвержденных документов территориального планирования органы государственной власти и местного самоуправления не смогут ни принимать решения о резервировании земель, ни решения об изъятии (в том числе путем выкупа) земельных участков, ни, наконец, о переводе земель из одной категории в другую.

С 1 января 2010 г. будет невозможна выдача разрешений на строительство при отсутствии утвержденных документов территориального планирования.

Это создает качественно новую ситуацию, так как без стратегий развития, без схем регионального планирования, без генеральных планов поселений всякая созидательная деятельность окажется парализована. Срок, скорее всего, будет перенесен на год-два, поскольку маловероятно выполнить необходимый объем работ с надлежащим качеством.

Муниципальные власти, недавно испытывавшие радость от каждой новостройки, от самого факта появления инвесторов, обнаружили, что модернизация городской среды в одном месте может отозваться ее ухудшением в других местах. Они пришли к ясному пониманию необходимости разработки планировочной документации оперативного качества, но не очень хорошо понимают, какой должна быть эта документация, чтобы быть вразумительной для каждого и, вместе с тем, быть реальным инструментом контроля над сбалансированным развитием поселения.

Выполнить эту работу трудно по объему, так как в течение десяти лет в большинстве городов планировочная деятельность не финансировалась и, соответственно, не осуществлялась. Еще труднее добиться качества, поскольку за те же десять лет число специалистов сократилось, тогда как оставшиеся обучались планированию в жестких рамках советского градостроительного проектирования и с немалым трудом приучают себя к работе в радикально изменившихся условиях, которые с некоторой натяжкой можно назвать рыночными.

Уже сформировались новые «олигархические» корпорации застройщиков. В совершенно специфических условиях Москвы, за счет соединения прав города и субъекта Федерации и концентрации средств, без сущностного изменения сохранились домостроительные комбинаты советской эпохи. Теперь эти структуры предпринимают мощную экспансию на крупные города страны. При этом городам-клиентам навязывают те модели домов и соответственно те схемы планировки, что наиболее привычны и удобны для застройщика. Шансы на тонкую отстройку относительно местных условий, начиная с экономических возможностей большей части населения и завершая культурной традицией места, в этом случае существенно сокращаются, если не исчезают совершенно.

Многие из числа новых девелоперских фирм за это время обрели весьма полезный, хотя нередко и болезненный опыт. Они перешли уже или переходят от маломасштабных, пообъектных, «точечных» задач к задачам формирования или реконструкции пригородных поселков различного класса, городских кварталов, микрорайонов, а то и фактически целых городов. Естественно, что все чаще перед ними возникает вопрос: как именно вести застройку, какой подход избрать, насколько применим внешний, мировой опыт в российских условиях, да и какой подход – европейский, американский, китайский? К тому же довольно быстро обнаруживается, что каких-то единых моделей нет, что их множество, и они разные. Отсюда естественное желание разобраться в самой природе городского планирования, в том, как те или иные модели предметной, физической организации городского пространства сопряжены с мировоззренческими позициями, с одной стороны, и с экономическими, управленческими правилами

игры, закрепленными в нормативных актах и стандартах поведения – с другой. Это и есть задача книги.

Отсюда и ее жанр. Это отнюдь не научное исследование – скорее это книга для чтения. Пособие, если угодно, адресованное тем, кто хочет составить себе самое общее представление о том, как складывались модели планировочных решений, большинство из которых не претерпело существенных изменений за века, хотя их наполнение менялось и часто, и относительно быстро. Разумеется, написать эту книгу можно было только в опоре на обширный корпус специальной литературы, но автор решил отказаться от того, чтобы нагружать страницы книги бесконечными ссылками на источники, тем более что в подавляющем большинстве это зарубежные работы, не переведенные на русский язык и в подавляющем большинстве отсутствующие в российских библиотеках. К тому же более чем существенно то, что и в период работы секретарем правления Союза архитекторов СССР в годы перестройки и позднее автор имел удовольствие беседовать со многими известными профессионалами, работа которых оказала и оказывает существенное влияние на сегодняшнюю практику городского планирования. Это и «звезды» мировой архитектуры, как Норман Фостер или Марио Греготти, или Заха Хадид; и сильные практики различных направлений, будь то Род Хакни или Джон Фаулз; и авторы книг, иные из которых мне удалось перевести и издать, будь то Кристофер Александер, Кевин Линч, Джейн Джекобс или Роберта Грац. И конечно же в основе этой работы труды классиков урбанистики, именами которых полны страницы книги. Перечислять их здесь нет смысла, но непременно нужно назвать те обобщающие труды, без которых упорядочить обширный материал давней и недавней истории урбанистики было бы невозможно. Это Льюис Мамфорд, Бернард Рудофски, Питер Холл, Спиро Костоф и Марк Жируар.

В этом списке нет отечественных авторов, и в этом наша беда: российская школа урбанистики едва складывалась в начале XX в., в трудах Г. Дубелира, В. Семенова, А. Енша, И. Озерова, Л. Велихова – под влиянием немецкой и британской школ. В советское время эта работа свелась единственно к разработке темы градостроительного искусства, т. е. в сугубо искусствоведческом ключе, в отрыве от экономики.

Таковыми были объемные труды А. Бунина, которому автор в свое время успешно сдал экзамен по истории градостроительства. С 70-х годов осуществлялись переводы (чаще пиратские) и пересказы ограниченного круга зарубежных авторов, ради того чтобы попытаться каким-то образом приспособить чужой опыт к советской действительности, не забывая при этом произнести положенные ритуальные формулы порицания «всеобщего кризиса капитализма». Ю.П. Бочаров, А.С. Кривов, И.М. Смоляр и ряд других профессионалов делали все возможное, чтобы наполнить практику знанием, но практика в знании не нуждалась, так как государственному заказчику было довольно собственных представлений. Нет нужды доказывать, что до конца 90-х годов заказа на развитие урбанистики не было, и едва ли не единственным жанром разработки этой темы остались немногочисленные диссертации и дипломные работы, в том числе и созданные под руководством автора.

После некоторых колебаний я все же решил включить в книгу «словарь градо-формирующего искусства». Хотя я стремился доказать, что городское планирование намного превышает сложностью архитектурное проектирование, искусство связывания вместе социального, экономического, географического и пр. достигает полноты результата только тогда, когда город предстает перед нами в полноте своей сущности, воспринимаемой всеми чувствами. Умение профессионального планировщика, вобравшее в себя концентрированное знание, накопленное многими поколениями урбанистов, в конечном счете воплощается в комфортность бытия и в комфортность видимого образа. И этот образ бесконечно важен, так как он включает в себя обширную гамму элементов – от первого взгляда на город издали и до вида рисунка мощения на тротуаре, или взгляда на дом через улицу, или через переплетение ветвей бульвара, или через струи фонтана на маленькой площади.

Строго говоря, книгу следовало бы назвать «Введение в урбанистику», поскольку вынужденное сжатие обширного материала в небольшой объем ничем иным быть не может, но такое название давало бы читателю иллюзию академичности, на что автор отнюдь не претендует.

Вступительная глава

Сказать «история города» тождественно тому, чтобы сказать: история цивилизации, ведь и само слово цивилизация является синонимом для городского образа жизни. Говорить о драматической истории города можно бесконечно, но перед нами более прозаическая цель – понять настоящее через уяснение главных этапов, которые прошел сам город, развивая умение создавать и поддерживать его, параллельно формируя знания об этом умении. Сейчас Россия перешла от задач выживания к задачам развития, вернее, не без труда осваивает трудности такого перехода. Поскольку же всякое развитие с первых шагов цивилизации базируется на городах, понимание городских процессов, понимание препятствий и ограничений на пути повышения их эффективности приобрело ключевое значение как для администраций, так и для деловых кругов.

Урбанизация

Город так давно стал нашим естественным окружением, что требуется некоторое усилие для того, чтобы уяснить, насколько приблизительными являются обыденные представления о нем. Современная культура настолько пропитана сугубо городскими смыслами, что, хотя мы и осознаем значительное еще присутствие внегородского населения, по традиции называемого сельским, и само это меньшинство, и его действительные нужды очевидным образом оказываются на периферии общественного внимания. Последнее десятилетие XX века в России добавило к общей неопределенности представлений о городе множество законодательных новаций, в то время как экономические трудности и изрядная неразбериха с идеологией планирования привели к тому, что от мощной системы советского градостроительного искусства остались небольшие группы профессионалов в одних лишь крупнейших городах. Достаточно сказать, что в огромном Уральском федеральном округе на начало 2006 года имелся лишь один новый генеральный план развития – в Екатеринбурге, и еще один (в Тюмени) был в разработке, тогда как все остальные города довольствовались проектными схемами, созданными еще в 70-е годы, в совсем иную эпоху, фактически в иной стране. Более того, поскольку не развивалась практика городского планирования, со стороны живой практики городского развития не было и запроса к профессиональной школе. Вследствие этого с неизбежностью произошло своего рода замораживание чисто внешних приемов проектирования планировочных схем, унаследованных от инородного, по существу, прошлого. В результате восстанавливать городское планирование приходится едва ли не с чистого листа.

Слова обманчивы, и за счет частого употребления их глубинный смысл оказывается чаще всего затерт до неузнаваемости. В связи с этим приходится начать с азов понятийного строя, относящегося к городу, который одновременно исполняет функции и среды обитания, и объекта управления. В этой книге у нас нет необходимости начинать от Адама, последовательно проходя все ступени эволюции городов, но некоторые, наиболее существенные этапы этого движения длиной в десять тысяч лет все же необходимо представить с доступной ясностью, попутно избавляясь от ряда застарелых мифов.

С сугубо формальной точки зрения, Советский Союз считался высокоурбанизированной страной, и в самом деле, согласно статистике, две трети населения составляли люди с городской регистрацией. В действительности же применительно к России следует говорить о том, что подлинная урбанизация началась у нас только в 90-е годы ушедшего века. До этого времени процесс роста формально городского населения есть все основания считать процессом масштабной индустриализации, сопровождаемой возведением некоторого объема жилья и обустройством услугами по минимуму. Этот минимум рассчитывался по душевым нормативам (жилая площадь, площадь магазинов и всего прочего – в квадратных метрах, в посадочных местах), которые постепенно повышались с 50-х годов, но только в исключительных случаях их выдерживали в полноте. Как правило, более или менее удавалось выполнить планы по вводу жилья, тогда как социальная инфраструктура запаздывала на годы, а то и на десятилетия – достаточно припомнить, что городской кинотеатр в Тольятти строился едва ли не двадцать лет.

Формально мы имели дело с общегосударственным планированием, так как любая постройка включалась в конечном счете в таблицы Госплана, но по сути это было почти исключительно ведомственное, отраслевое планирование. Сметы на возведение жилья и создание инженерной инфраструктуры в городах включались в сметы строительства новых, или реконструкции имевшихся промышленных предприятий. Отсюда столь яростная борьба обкомов единственной партии за то, чтобы «пробить» новый завод на подведомственной территории. Когда в начале 80-х годов обкому Татарской АССР удалось добиться решения о строительстве нового тракторного (по сути танкового) завода в Елабуге, всего в полчаса езды от Набереж-

ных Челнов с их КАМАЗом, мне удалось убедить генеральную дирекцию строящегося завода включить в смету достаточные расходы на реконструкцию и частичную реставрацию старой Елабуги. В других ситуациях, в малых городах или в старых районах городов крупных, жизнь фактически застывала, если процесс индустриализации обходил их стороной. Уже по этой причине и в крошечном Лихвине (Чекалин Тульской области), и на обширных территориях старых районов Саратова, Краснодара или Челябинска до недавнего времени не появлялось ни одного нового здания.

Серьезная, централизованная работа стратегического планирования, настроенная преимущественно на обеспечение оборонно-промышленного комплекса, интенсивно велась, однако города в этой системной логике выступали единственно как средство обеспечения предприятий рабочей силой, а окружающая их природная среда трактовалась исключительно как более или менее пригодная для такой концентрации.

Сельским население наших городов назвать было, конечно же, нельзя, но и общему, выработанному мировой цивилизацией, представлению о горожанах оно никак не соответствовало. Город – это ведь не просто скопление домов и скопление людей, в основном оторванных от сельского труда. Это еще и средоточие всех форм активности множества людей, составляющих самоуправляемое сообщество. В случае крупных и крупнейших городов Советского Союза мы имели дело хотя бы с многообразием форм образовательной и культурной деятельности, но никак не с многообразием форм услуг. Все прочие города должны были удовлетвориться только одной внепроизводственной функцией – административной. К тому же, в условиях вечного дефицита, трижды приводившего к введению карточной системы и постоянно поддерживавшей раздельное снабжение партийно-чиновной элиты, предприятий группы А и всех прочих, в нашем обществе торговля отодвигалась на дальний план. Что же касается самоуправления, то после разгрома его в 1931 г. и до принятия первого закона об основах его организации в 1994 году, даже говорить о нем имело смысл исключительно в кругу реформаторов первого перестроечного поколения.

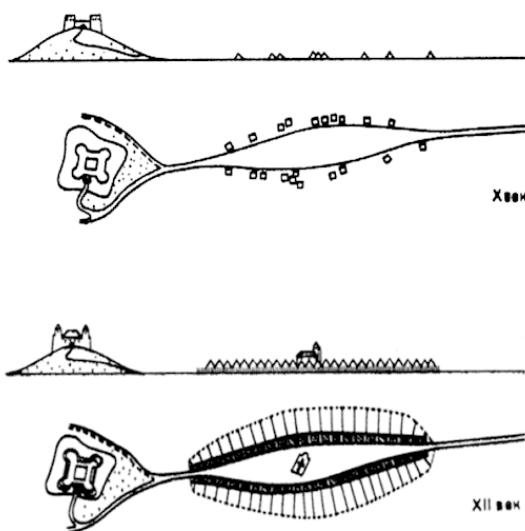

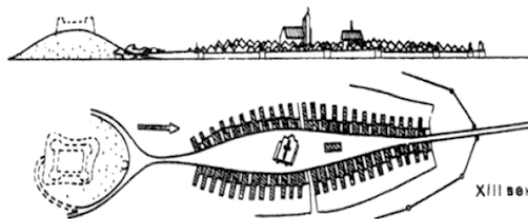
Глядя на план Москвы начала XX в., всякий внимательный человек мог сразу заметить, что планировочная структура древней столицы, при ее дальнейшем расширении, должна породить чрезвычайные транспортные проблемы. Сугубо теоретически была возможность наложить на архаическую радиально-кольцевую конструкцию плана ортогональную сетку новых улиц, сохранив элементы давней структуры внутри ее ячеек. В 30-е годы, при строи-

тельстве метро, была возможность организовать такую же сеть из путей под землей. Обе возможности были упущены по финансовым и организационным причинам.

Важно иметь в виду, что советская система пространственного планирования выросла на почве весьма специфической российской системы расселения, в которой слабые зачатки местного самоуправления прослеживаются лишь от реформ 1860-х годов. Тогда в уездах появилось земское самоуправление, а в городах – думы, обладавшие крайне незначительной мерой самостоятельности. К тому же даже в полуторамиллионной Москве в начале XX в. избирательным правом обладали лишь около семи тысяч жителей-домовладельцев, а если принять во внимание тот факт, что в выборах думских гласных участвовало менее половины от этого числа, то понятно: некая форма самоуправления имела, но подлинного самоуправления не было. Это важно помнить, поскольку необходимо отдавать себе отчет в том, что мы имеем дело не с механическим наследованием последствий советского эксперимента, а с глубоко укорененной системой огосударствления городской жизни, которая была многократно усилена в социалистическую эпоху.

И в дореволюционное время, когда сфера торговли и услуг все же обладала значительной степенью самостоятельности, и тем более в советской действительности подавление самостоятельности городских сообществ неминуемо вело к тому, что ведущая позиция была отдана формальному пониманию города, то есть на первый план выходила именно форма города. Соответственно обманчивое сходство таких форм для российских и западных городов порождало немало иллюзий. В самом деле, если посмотреть на фотографии городов, сделанные со спутника, то такая иллюзия только укрепляется. Пятна жилой застройки с ее членением на старые и новые кварталы, пятна промышленной застройки, обычно правильной формы, магистральные дороги, улицы, площади – все это выглядит похоже для, скажем, Москвы и Парижа, или Тулузы и, к примеру, Чебоксар. При тренированности взгляда, разумеется, можно заметить различия. Кварталы западных городов мельче; сетка улиц чаще, хотя сами улицы бже; площади в наших городах просторнее; между пятнами жилой застройки видны обширные прогалы – то леса, то пустыри и т. п. Тем не менее на первый план выступает сходство формы. Мы так же замечаем на видовых фотографиях городов мира скорее различия в стиле и, чаще всего, размерности жилых домов, чем что-либо другое, в действительности более существенное.

Классическая схема формирования средневекового города: сначала замок на холме и небольшой посад, обслуживающий обитателей замка. Храм – внутри замка. Затем разрастание посада, сооружающего собственный храм и рыночную площадь, временными постройками отделенную от общего выгона. Затем сокращение участков, отведенных под сады и огороды, за счет строительства новых домов, храм перестраивается, вырастая в размерах, возникает первая ратуша. Наконец, обрастая дополнительными улицами, город огораживается собственными оборонительными стенами, тогда как замок приобретает функцию цитадели. Схема логичная, но неверная – города всегда проектировали по строгим правилам, и правила эти восходят к Античности.

Именно внешнее сходство городских планировочных структур, восходящее к эпохе королевств и империй, привело к тому, что роль регулятора городской застройки была в России приписана архитектору, и впрямь обладающему наивысшей квалификацией работы с большими предметами в трехмерном пространстве. Однако, если в западных странах специфические умения архитектора реализовались и реализуются в условиях жестких ограничений, заданных экономическим зонированием и правилами застройки, закрепленными в законе, ни в старой России, ни в Советском Союзе таких ограничений не было. Были другие ограничения – идеологические, другие – экономические, но при всех таких ограничениях в городе видели пространственную форму застройки и транспортных коммуникаций. И только.

В условиях современной, заново становящейся России это обстоятельство отзывается рядом серьезных недоразумений и, как правило, грубыми ошибками в определении того, что принято называть ТЗ – техническим заданием на проектирование. Рассмотрению этих ошибок и путей их исправления посвящен значительный объем книги.

Итак, урбанизацией мы вправе именовать только такой процесс перемещения в города населения, занятого сельским хозяйством и сопутствующими ремеслами, ранее разбросанного по хуторам, деревням и селам, когда формируется зрелое, самоуправляемое местное сообщество. До середины XIX в. такие сообщества повсюду были, как правило, самодостаточными в экономическом отношении. Налоговая политика современных государств повсеместно такова, что практически все города получают тот или иной объем дотаций из региональных или национальных бюджетов. Однако нигде муниципалитеты не оказались в столь экономически стесненном положении, как в России где с введением 131-го федерального закона начиная с 2006 г., о финансовой самостоятельности городов не приходится говорить.

Развитие частного бизнеса с большим или меньшим успехом обеспечило достаточно бурное развитие сферы первичных услуг, тогда как и жилищно-коммунальное хозяйство городов, и (отчасти) сфера некоммерческих услуг в гораздо большей степени зависят от возможностей региональных властей и меры «урбанистичности» их политики, чем от города как такового. Не столько сам закон, сколько тот факт, что правительство нарушило свое обязательство сопровождать его необходимыми поправками в Налоговом и Бюджетном кодексах, серьезно затормозил едва начавшийся у нас процесс подлинной урбанизации. Нет сомнений в том, что неотвратимый процесс сокращения населения страны в течение ближайших пятнадцати лет заставит изменить государственную политику в отношении городов, и во всяком случае поправки в бюджет 2008–2010 гг., принятые Государственной Думой по инициативе президента Путина, уже

наконец предусматривают начало оздоровления городских инфраструктур. Однако есть немалая опасность, что распорядительные полномочия по расходованию солидных средств останутся в руках региональных администраций – практически без серьезного участия городских сообществ. Тем не менее уже просматривается качественно новый процесс: серьезный бизнес, представленный как девелоперскими компаниями, так и крупными предприятиями, испытывающими растущие затруднения с набором компетентного персонала при активизировавшемся инвестиционном процессе, несомненно сформируют мощное прогородское лобби – в собственных интересах.

Тем важнее, предвидя изменения в городской политике, четче понимать природу процессов урбанизации, сопряженных с ней разработок в масштабе пространственного развития страны и ее регионов и собственно городского планирования. В связи с этим важно понять природу отношения города и обжитого ландшафта, который всегда испытывает сильнейшее влияние с его стороны, будь то освоение неудобий садово-огородными кооперативами, строительство дач или вывоз твердых бытовых отходов.

Существует устойчивое представление об историческом происхождении города от разрастающегося села. Это заблуждение. Даже в тех случаях, когда город возникал на месте удачно расположенной деревни или усадьбы, как это было с Москвой, это издревле был хорошо планируемый процесс, осуществлявшийся властью. Именно таким образом закладывались древнегреческие колонии, а затем и римские города. Так же, баронами или епископами, учреждались города европейского Средневековья (треть из них – на руинах римских городов). Точно так же закладывались города и допетровской Руси, и послепетровской России – с тем, однако, отличием, что одновременно с учреждением городка или острога, служившего прежде всего орудием контроля над окрестными землями, на эти земли переводили и сельское население, таким же образом обеспечивая рабочей силой заводские поселения, не имевшие, как, скажем, Ижевск, городского статуса вплоть до постановления Временного правительства в 1917 г.

В этом нет некой российской уникальности – таким же был процесс испанской колонизации Америки, регулировавшийся т. н. Законом для Индий, сходен с этим был и процесс освоения Северной Америки, сопровождавшийся жестоким истреблением индейских племен. Наибольшее сходство усматривается между структурой расселения российского Заволжья и штатов на Юге США. И тут и там ядрами такой системы были не столько города, в которых размещались гарнизоны и чиновники, сколько помещичьи усадьбы. Однако яркой особенностью российских городов было то, что основная часть их населения кормилась преимущественно с огородов – как отвечали градоначальники на анкету, разосланную Академией наук при Екатерине Второй, «обыватели упражняются черной огородной работою, а торгов у нас не бывает никаких». Эта практика продолжалась почти до самой реформы 1861 г., а на окраинах империи и дольше, поскольку города Верный (ныне Алматы) или Пишпек (Бишкек), или Романов (Мурманск) проектировались и строились военными инженерами, так же, как в свое время Оренбург, Орск, Верхнеудинск (Улан-Удэ) или Екатеринодар (Краснодар). История России сложилась так, что до самого конца XIX в. города в минимальной степени исполняли роль центров обслуживания сельского населения – и крепостные, и государственные крестьяне почти не присутствовали на потребительском рынке.

Очень долго торговля в России имела сезонный характер: зимний торг, в основном съестными припасами, в Москве развешивался на льду реки, летние ярмарки повсеместно располагались вне городских стен. Петербург первым завел регулярные торговые ряды по европейскому образцу, что затем было распространено на все губернские и многие уездные города, перестраивавшиеся по планам, утверждаемым лично государем. Лишь после 1861 г. города превращались в центры услуг для уездного дворянства и отчасти купечества и мещанства. Именно этот процесс сформировал те симпатичные центральные ядра малых и средних городов, которые сейчас оказались перед угрозой исчезновения – сначала вследствие заброшен-

ности и упадка, а теперь и в результате неконтролируемой коммерческой, т. н. точечной застройки.

Следует помнить, что российская индустриальная база, формирование которой веками отставало от европейской начиная с Петровского времени выстраивалась, весьма специфическим образом. До того были лишь ремесленные слободы Москвы, приписанные к царскому двору. Адмиралтейство Петербурга и Тульский оружейный завод были прямо государственными предприятиями, заводы Урала, будучи в частном или в прямом государственном управлении, работали преимущественно на казну и потому оставались под неусыпным государственным надзором. Строительство железных дорог было, за редкими исключениями, государственной монополией. Всего полвека интенсивного развития индустриального капитализма в России привели к быстрому росту промышленных зон, естественным образом привязанных к железнодорожным путям, так что советская индустриализация оказалась наследницей уже сформированной государственной системы.

Если в наши дни в развивающихся странах урбанизация происходит по образцам давних времен, когда в города стекается нищее население из деревень, порождая гигантские, бесформенные скопления людей вроде нигерийского Лагоса, то в странах Запада в казалось бы устоявшуюся городскую жизнь активно вмешались миллионы мигрантов. Те принесли с собой чуждые нравы и представления, они все хуже включаются в местную культуру, будучи слабо включенными в местную экономику, так что, с одной стороны, идет интенсивный процесс реконструкции старых городов, а с другой – возникают новые зоны отчуждения, поминутно грозящие взрывом. Пока еще российским городам это угрожает в минимальной степени, но глобальная ситуация и собственные демографические проблемы могут изменить положение, к чему, надо сказать, мы не готовы ни интеллектуально, ни с организационной точки зрения.

Но есть еще и третий процесс. В США динамика перемещения людей к местам, обещающим выгодную работу, всегда была высокой, но в последние годы реконструкция экономики породила совершенно новое явление, слабо связанное с индустриализацией в ее классических формах. Перепись 2000 г. показала, насколько усилилось перетекание талантов, концентрация наиболее динамичной, этнически разнообразной молодежи в немногих городских центрах. При этом выяснилось, что эта концентрация происходит уже отнюдь не только в крупнейших центрах вроде Нью-Йорка или Чикаго, но и в городах второго ряда. Есть их полный список: Остин, Атланта, совершившая колоссальный рывок после проведенной здесь Олимпиады, северный Миннеаполис, Сан-Диего, куда начался активный переток населения из безразмерного «пригорода» Силиконовой долины, Сан-Франциско, Вашингтон, до недавнего времени бывший средоточием федеральных клерков, лоббистов при Конгрессе и негритянской бедноты, Сиэтл и мало кому известный даже по названию Ралей/Дёрем. Нижний этаж этой лестницы заняли Балтимор, еще недавно находившийся в тени соседних Филадельфии и Вашингтона, Буффало, Кливленд, Детройт, перестающий быть городом автомобилестроения, Хартфорд, Милуоки, Майами, Ньюарк, десять лет назад считавшийся худшим городом Америки, Питтсбург, Сейнт-Луис, где в свое время взорвали огромный комплекс социального жилья, превратившийся в чудовищную трущобу, и парный город Стоктон/Лоди.

На первый взгляд трудно понять, как можно было стереть с лица земли целые кварталы прочных многоэтажных домов. Однако за этим жестом отчаяния городских властей и в США, и во Франции стояла базисная ошибка инвестора на пару с архитектором. Тип застройки, относительно пригодный для скромного в средствах, но работающего и вполне самостоятельного состава семей, был применен для заселения безработными, живущими на социальное пособие и не способными содержать инфраструктуру дома.

Между всеми этими городами идет жесткое состязание за пополнение когорты «мозгови-ков», и вот выяснилось, что более красивые города выигрывают у городов с лучшим климатом и высоким качеством среды. Выигрывают города с первоклассными университетами и отличной атмосферой в образованном сообществе, города, в которых заметна широкая терпимость и, соответственно, максимально разнообразие возможностей и впечатлений. В действительности ситуация еще сложнее, поскольку конкуренция за привлечение «мозгови-ков» приобрела глобальный характер, и, скажем, Денверу приходится состязаться не только с Атлантой, но и, к примеру, с Сингапуром, об университетском городе которого мы еще будем говорить ниже. Кстати, именно по этой причине нет шансов сформировать успешный инновационный центр в Амстердаме, где слишком много туристов, слишком много иммигрантов и слишком много наркотиков. Нет их и у Дубаи или у Дохи, несмотря на гигантские инвестиции – во всяком случае, до тех пор, пока там не решатся не одной лишь технологией войти в общемировую культуру, свободную от ислама ваххабитского толка, что, впрочем, маловероятно. Для успеха современной версии Телемского аббатства, о котором некогда мечтал Франсуа Рабле, нужны условия, которые могут дать лишь города, сделавшие на это ставку.

Россия не может долго оставаться вне этого процесса, и пример Томска убеждает в том, что у нас есть шанс включиться в мировую сеть новейших университетских центров – если, конечно, это будет осознано как задача и подкреплено реальным, системным действием.

Урбанистика

Итак, если до недавнего времени под урбанизацией понимался статистически измеримый процесс перехода сельского населения в индустриальные города, то в настоящее время понятно, что природа этого процесса существенно сложнее. Именно эта сложность породила корпус текстов, посвященных урбанизации во множестве ее форм, и этот корпус текстов образует урбанистику. Насколько в этом предмете можно говорить о сложившейся науке, вопрос спорный, но то, что мы имеем дело с уже зрелым знанием, не подлежит сомнению.

В самом деле, не касаясь здесь Востока, где сложение знания о городе шло своим путем, достаточно заметить, что литература о городе пополняется вот уже две с половиной тысячи лет. Великий врач Гиппократ собрал вместе опыт функционирования греческих городов-полисов, обозначив гигиенические правила ориентации улиц. Гипподаму приписывается изобретение регулярной сетки городских улиц, без изменений дошедшей до нашего времени – достаточно напомнить, что нью-йоркский Манхэттен в полноте сохранил гипподамову схему. Платон пытался описать идеальную модель города, отталкиваясь от общефилософских суждений о природе взаимодействия между людьми, тогда как Аристотель обобщил опыт конституций десятков полисов и обсуждал оптимальную численность свободных горожан.¹ Рим освоил опыт греков, обобщил его и стандартизировал – настолько, что во всех городах империи ширина главных и второстепенных улиц была одинаковой, позволяя проехать одной повозке, а в бордюрных камнях тротуара напротив каждой таверны или лавки были высверлены отверстия для привязывания лошади или осла. Сложились и воспроизводились стандарты обустройства публичных бань, рынков, амфитеатров и театров, и эти стандарты воплощались повсюду, от Нила до Рейна и от Евфрата до Темзы, приноравливаясь к природным условиям. Этот опыт был описан в множестве трудов, включая замечательный трактат Фронтинана об акведуках и фонтанах и обширную энциклопедию строительства Витрувия.

¹ Любопытно, что при всей своей рационалистичности Аристотель называл оптимальным для населения города число 5040 – математически-мистическая величина, совпадающее с факториалом 7, т. е. это результат перемножения 1x2x3x4x5x6x7.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.